

следующие годы он был руководителем ряда диалектологических экспедиций Пермского университета.

Интерес Соломона Юрьевича к вопросам дериватологии содействовал отражению в Акчимском словаре лексической системы говора во всем своеобразии ее функционирования. В частности, им проделана огромная работа, позволившая обнаружить функционирование в говоре особого лексико-семантического разряда слов отглагольно-причастного образования: его убито, замки найдено и т. п. Такого рода слова, структурно совпадающие с краткими причастиями, отличаются от них семантически, ибо не содержат в себе процессуально-результативной характеристики предмета, а лишь фиксируют результативную ситуацию. Для их обозначения в словаре принят термин «результатив». Страдательный отглагольный результатив отличается от причастия морфологически и синтаксически: это слово неизменяемое, выступающее в качестве сказуемого безличного предложения. Результативы рассматриваются как отдельные лексические единицы. Итоги работы отражены в статье С. Ю. Адливанкина и Н. П. Поталовой «К вопросу о лексико-семантическом статусе предикативных несогласуемых глагольных словоформ на -НО, -ТО» (Пермь, 1979).

Уже будучи больным, едва успев выйти в очередной раз из больницы, Соломон Юрьевич каким-то чудом находил в себе силы, чтобы продолжать редактирование Акчимского словаря. И даже работу с гранками первого тома словаря он считал своей обязанностью. Такое не забывается.

А. И. Кузнецова

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностью: были.

Как-то, находясь в Москве, Соломон Юрьевич пришел ко мне домой в тот момент, когда я готовилась к лекциям. Он попросил показать ему «мою кухню», признавшись, что его всегда интересовало, как работает преподаватель-профессионал.

Готовые к публикации лекции, а тем более опубликованные учебные пособия, сделанные на базе лекций, далеко не то же самое, что отдельные наброски к лекции, ее планы, тезисы, иллюстративный материал и т. п., то есть то, что может быть названо «кухней» лектора; тем не менее и по изданным учебникам можно судить не только о самих лекциях, но и о подготовительном этапе труда вузовского преподавателя.

Учебные пособия Аддиванкина дают четкое представление о высокой требовательности (прежде всего — к самому себе) С. Ю., о желании его научить студентов работать самостоятельно. Вот, например, его статья методического характера о фонетике в высшей школе (Ученые записки ПГУ, 1962. Т. XXII, вып. 1), где автор касается вопросов использования средств наглядности в учебной литературе по славяно-русскому языкознанию. По мнению С. Ю., «наглядность в характеристике конкретных деталей фонетического процесса, соотнесенности звуков и т. п. вооружает студентов навыками доказательного анализа, пониманием внутренней обусловленности фонетических явлений» (с. 168). С. Ю. выступает против такого наглядного материала, который имеет «узкую иллюстративную целенаправленность, мало способствует развитию навыков лингвистического анализа и необходимому обобщению, определенной систематизации изучаемых фактов» (с. 165).

А вот в его прекрасной книге «Краткий очерк истории праславянской фонетики» (Пермь, 1971), получившей высокую оценку С. Б. Берштейна (устный отзыв), последовательно соблюдается хронологический принцип праславянской фонетической эволюции (именно эволюции языка, на чем настаивал автор, а не перечня разрозненных фактов! — с. 6). Принцип последовательной историчности, по словам С. Ю., неотделим от вопроса языковых изменений, поскольку «именно в причинах конкретных исторических изменений заключена суть эволюционного процесса: конкретные изменения являются лишь формой воплощения созревшей в языке тенденции, закономерности, необходимости» (с. 6—7). Хотя из соображений методического характера в объяснении фактов допускаются известного рода упрощения, книга написана с сознательной ориентацией на уровень сильных студентов и содержит некоторые принципиально новые научные положения. Как пишет С. Ю. в преамбуле к учебнику, «автор не ставил перед собой задачи охватить все или хотя бы особенно широко известные научные гипотезы, касающиеся оп-

редсленных языковых фактов, и ограничился изложением того, что, по его мнению, наиболее аргументированно; в ряде же случаев предлагается и новое понимание некоторых явлений и процессов» (с. 2). «Краткий очерк истории праславянской фонетики», скромно квалифицируемый как «учебное пособие для студентов заочного отделения», перешагнул границы отведенного ему автором места в учебном процессе в вузовской практике: им широко пользуются, например, студенты-очники филологического факультета МГУ.

Соломон Юрьевич — педагог по призванию, что называется, от Бога. Его интересовало, как лучше «подать» материал на лекции, о чем он любил говорить, спорить, спрашивать; он беспокоился, удастся ли достаточно хорошо подготовить студентов к диалектологической экспедиции, чтобы полевая работа была максимально продуктивна; любил обсуждать темы курсовых и дипломных сочинений; с любопытством наблюдал (во время прохождения стажировки в МГУ), как я консультировала своих студентов, сравнивал, сопоставлял. И одновременно — удивительно умел слушать.

К своим трудам он относился как к тому, что может и должно быть улучшено, и дарил книги и статьи с обязательной просьбой — требованием высказать ему критические замечания, с которыми потом либо соглашался, либо начинал азартно спорить. Дарственные надписи, часто замысловатые и изысканные, нередко отражали это желание автора узнать мнение читателя о его работе.

Автографы С. Ю. необычайно интересны сами по себе. Он писал их не казенно, не «под копирку», а глубоко эмоционально и продуманно, подходил к ним творчески, как и ко всему, что он делал. Так, на книге «История праславянской фонетики (ранний период)», написанной в соавторстве с И. А. Фроловой, С. Ю. написал мне: «В этой книге явно недостает Ариадниной нити. Но если прочтешь, ты все поймешь: я не так еще сыграл бы, жаль, что лучше не могу. С трепетом. СА.» А на «Истории праславянской фонетики (поздний период)» — подпись-аллюзия: «Хотя и в забавной одежке, но это снова я. Не отринь. СА.» С теми же мыслями, но по-иному выраженными, С. Ю. подарил оба выпуска «Истории праславянской фонетики» Б. С. Шварцкопфу и М. Н. Преображенской, с согласия которых я воспроизвожу автографы: «Понимая, как это несовершенно и не достойно тебя, — привошу все же к твоим стопам, Машенька. СА.» И на другой: «Таким же точно образом. СА.» Последняя надпись, по признанию Марии Никандровны, поставила ее в первый момент

в тупик. Между тем здесь высказана та же мысль, что и в автографе на книге, подаренной мне: надпись намекает на предыдущую работу по праславянской фонетике 1971 года.

В своих автографах С. Ю. (романтик, вкладывающий частицу своей души в дарственные надписи, предназначенные друзьям) проявлял большую изобретательность, как будто следуя собственному принципу «иллюстративной наглядности». Например, «Краткий очерк истории праславянской фонетики» надписан так:

«Ариадне Ивановне Кузнецовой
с любовью и трепетом.

Бедный автор...»

Так же С. Ю. надписывал и конверты, ревниво спрашивая при редких встречах в Москве или каком-нибудь другом городе на конференции, заметила ли я его «уголок» с отчеством, обратила ли внимание на то, как он подписывает адрес. Для него все мелочи, детали были важны, существенны. Воистину — всесильный Бог деталей... Не случайно в статье «Вокализм группы южнорусских говоров на севере Романовского района Саратовской области» (Ученые записки Адыгейского пед. ин-та. Майкоп, 1957. Т. 1.) есть главка «Мелкие детали вокализма говоров» (с. 227).

Немалое значение С. Ю. придавал расположению, написанию автографов в даримой книге. В сборнике текстов на старославянском языке (Пермь, 1966) надпись идет лесенкой и содержит аллюзию на места наших встреч, начиная с города, где меня с С. Ю. познакомил Б. Шварцкопф:

«А.К.

Самарканд —

Москва —

Пермь —

.....
СА.»

(точки между С и А С. Ю. никогда не ставил).

Хитроумно выглядит автограф на одной из книг, подаренных Б. С. Шварцкопфу и М. Н. Преображенской:

«Дорогим Маше —

и Боре

на двоих —

Равнолюбимым

СА.»

Или надпись на книге Б. С. Шварцкопфу:

«Юноше
Б. Шварцкопфу —
Ифлийцу и
критику всякой
речи —
тоже ифлиец,
но уже перешагнув —
ший через «50»,
— май 72. СА.»

Нестандартность, личностность, бросающиеся в глаза в автографах С. Ю., характерны для его статей (правда, присутствуют там в более завуалированном виде), написанным хорошим литературным слогом.

С. Ю. никогда ничего не принимал на веру. Для него типично было движение против течения в ряде областей, которыми он занимался, особенно — в словообразовании. Внимательное, неспешное (как и само изложение автором своих мыслей), затягивающее своими неожиданными прозрениями чтение работ С. Ю. позволяет заглянуть в «кухню» автора, понять, откуда есть пошла и стала есть та или иная статья. Обычно С. Ю., критически и внимательно изучая статьи разных авторов на одну тему, сопоставлял их, находил нередко диаметрально противоположные точки зрения и задумывался: Каким образом получен тот или иной вывод? У кого и каких аргументов больше? Есть ли (и какие) внутренние противоречия в каждой из статей? и т. д. Из подобных сомнений, размышлений рождался вопрос: Кто же прав? и: Нет ли третьего решения?

Именно так возникла статья «Из истории прилагательных подобия в русском языке» (Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974), где автор обращается к эксперименту в целях нахождения в лексической сфере объяснения «параллельного функционирования принципиально однозначных словопроизводственных моделей». Так же, с отталкивания от чужих голословных утверждений, начинается заметка (как называет сам свою статью С. Ю. Адливанкин) «К вопросу о явлении заимствования в области словообразования» (Ученые записки ПГУ. Пермь, 1965. Т. 137, вып. 1), в которой автор отвечает на вопрос, можно ли говорить о заимствовании словообразующих элементов (формантов), привлекая для решения этой спорной проблемы дополнительные конкретные языковые факты.

Умение критически оценить сделанное другими, обратиться к поискам новых доказательств, скрупулезно проанализировать их «и "поднять" факты на уровень теоретического осмысления» отмечают в своей статье Л. Н. Мурзин, Н. П. Потапова, Ф. Л. Скитова («Вопросы истории языка и деривации в работах С. Ю. Адливанкина» // Деривация и история языка. Пермь, 1987), работавшие бок о бок с С. Ю. много лет и хорошо знавшие его методы работы, ценившие его в человеческом, научном и профессионально-преподавательском отношении.

С. Ю. создал вокруг себя особое поле притяжения, которое нельзя было не почувствовать с первой же минуты общения с ним.

Р. В. Комина

НЕ ПЕРСОНАЖ ДЛЯ МЕМУАРОВ...

Будет странно, если из нашей уже немалой генерации пермских прозаиков никто не напишет романа об университете, где бы среди самых заметных героев оказался Соломон Юрьевич Адливанкин. Потому что он — персонаж не для классических мемуаров, а именно — для романа. И до сего дня — прошло уже больше 8 лет после его неожиданной смерти — возникают легенды, споры, вопросы: какой же он был в своем главном? Кем был прежде всего: одаренным лингвистом, недооцененным из-за чисто внешних обстоятельств (единственная его книга вышла в Перми тиражом всего в 500 экземпляров)? Яркой личностью, с несомненным столичным обликом, загнанной в 60-м году в Пермь лишь под влиянием всем известных враждебных для евреев обстоятельств? Наивным (в своем возрасте и при своем росте 195) инфантильным запоздалым романтиком из числа бывших студентов ИФЛИ? («А мы еще дойдем до Ганга, а мы еще умрем в боях, чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя» — писал сверстник Адливанкина Ифлийский поэт Павел Коган перед самой войной...) Или человеком, главной страстью которого была Красота во всех ее проявлениях? Артистическая, более того, даже актерская натура, увлекающаяся созданием вокруг себя атмосферы игры, влюбленности, дружбы — тип в наше «экономическое» время вообще исчезающий... Молодые филологини 90-х, взгрустните!

Среди этих и других граней личности Соломона Юрьевича